

Л. В. Кульгускина

Социально-психологический облик поколений «отцов» и «детей» 1930-х гг.

Отечественные историки, пытаясь найти ответы на насущные проблемы современности, все чаще обращаются к социально-психологическому аспекту общественного развития, нередко рассматривая его как мощную силу исторического процесса. Одним из новых направлений современного исторического познания стала история поколений.

Традиционно основные суждения о поколениях принадлежали философам, социологам, педагогам. Однако необходимо рассматривать проблему поколений и в исторической ретроспективе. Это дает возможность лучше понять особенности истории нашей страны, может способствовать созданию концепции адаптации поколений в новых общественно-политических условиях и разработке воспитательной позиции в отношении преемственности предыдущего опыта, поскольку его отрицание служит причиной многих негативных исторических событий.

«Поколение» с позиции истории – это совокупность людей, близких по возрасту, социализация которых происходит под влиянием определенного исторического периода времени, имеющего свои специфические характеристики.

Особого внимания заслуживает исторический опыт Советской России 30-х гг., когда был достигнут принципиально новый уровень контроля государства над обществом. В это время вступило в самостоятельную жизнь первое поколение советских граждан, родившихся незадолго до революции или вскоре после нее, которое было оторвано от ценностей и традиций «старой России». Но главными участниками процесса воспитания по-прежнему оставались «отцы» и «деды» «поколения Октября», которые были очевидцами революционных событий и не понаслышке знали реалии «старого мира».

В отечественной историографии отсутствуют исследования, воссоздающие целостный образ поколений советского общества 1930-х гг. Историки советской эпохи изучали, как правило, отдельные социальные группы: рабочих, крестьянство, отчасти интеллигенцию и молодежь [1–5]. Ими подчеркивались такие

черты общественного сознания людей, как преданность партии и верность ее курсу, беспощадность к врагам советской власти, патриотизм, энтузиазм. Неоднозначные изменения в общественном сознании упрощенно рассматривались с точки зрения борьбы «нового со старым», положительные черты неизменно связывались с «успехами социалистического строительства», а негативные объяснялись «наследием прошлого».

Новые возможности для изучения социальной истории появились в контексте коренных изменений, связанных с демократизацией общественной жизни России в конце 1980-х гг. Особое значение социально-психологический аспект приобрел при выяснении причин утверждения в нашей стране тоталитарного режима. Используя различные документальные свидетельства, исследователи воссоздают особенности советского режима и повседневной жизни 1930-х гг. [2]. Однако мировосприятие людей остается без внимания, сведения об их отношении к происходящим событиям в стране, к власти часто голословны и фрагментарны, что не позволяет составить полное представление об облике поколений советского общества 30-х гг.

Цель статьи – выявить социально-психологические черты «отцов» и «детей» 1930-х гг. и проследить их эволюцию на решающем этапе формирования тоталитарного сознания.

Основные источники, позволяющие успешно реконструировать изучаемую сферу социальной реальности, – это документация официального происхождения, периодическая печать, письма, дневники, а также сочинения школьников, учебники 1930-х гг. и художественная литература.

Главными участниками процесса воспитания подрастающего поколения являются родители. От их мировоззрения и политической ориентации во многом зависит социально-психологический образ молодежи. Старшее поколение 1930-х гг. было пестрым и многоликим. Его представители относились к различным социальным группам, по-разному испытывали на себе последствия «политики партии», по-разному складывались и их судьбы. Пожа-

луй, главной характеристикой советского общества 30-х гг. была политизированность. Поэтому можно говорить о том, что старшее поколение разделилось как бы на два лагеря: сторонников режима и его противников. Сторонники режима составляли социальную опору «генеральной линии партии». Среди них особую роль играла «сталинская гвардия» – новые кадры государственного аппарата: различного рода выдвиженцы и назначенцы. Сам принцип отбора новых кадров позволяет судить о морально-психологическом облике этой новой социальной прослойки. Как отмечает исследователь Л. Баткин, «вверх вызывались, кое-как подучившись, сортировались, истреблялись, набирались по новому призыву, обрабатывались, устрашались, натаскивались на лозунги и установки, обучались слепому послушанию и вере, исполнительности, самоуверенности и готовности к расправе» [6, с. 48]. Принцип кадровой политики порождал у назначенцев такие морально-психологические черты, как стремление выслужиться, покорность воле начальства и преданность лично Сталину. Появлению нового класса «управляющих» способствовали и осуществляемые в 1930-е гг. «генеральные чистки».

Некоторую поддержку сталинскому режиму оказывала и новая интеллигенция. Ее появлению способствовала широкая подготовка кадров преподавателей, которые должны были «взрастить» новую советскую интеллигенцию, шедшую на смену «вычищаемой» «старой». Для обеспечения поддержки со стороны интеллигенции режим сознательно использовал довольно распространенную в интеллигентской среде установку на самоотверженность во имя светлого будущего, во имя народа. Сознание приносимой пользы, к сожалению, очень часто иллюзорное, согревало интеллигентскую душу, давая ощущение не напрасно проживаемой жизни. А деятели режима с холодной расчетливостью использовали ее творческий и трудовой потенциал.

Опору проводимой политике партия находила и в среде крестьянства. Определенная часть сельских жителей продолжала рассматривать существующий строй как единственную альтернативу «ненавистным буржуям». Вопиющий произвол расценивался ими как злоупотребления местных работников. А пылкие упования на «вождя», как на «добраго царя», в условиях общественных потрясений свидетельствуют о формировании у крестьян «компенсаторной псевдорелигиозной системы ценностей» [7, с. 32]. Опору проводимой ста-

линской политики в деревне составляли, прежде всего, деклассированные элементы, понимавшие, что их благополучие целиком зависит от готовности служить режиму изо всех сил. Это определяло их преданность системе, способность без колебаний выполнить любую работу. Еще одним пунктом опоры сталинского порядка в деревне был так называемый актив. «Активизм» в советском понимании слова – это деятельное приспособленчество, активный конформизм, небескорыстная подчеркнутая демонстрация лояльности власти, готовность всячески перед ней выслуживаться [8, с. 120]. Немаловажную роль играл и идеологический фактор – вера в абстрактную справедливость совершаемого, которая поразительно усиливалась, если совпадала с личной выгодой. «Актив» относился к разряду «просвещенных» крестьян, которые стали одной из основ «культы Сталина».

Значительную поддержку сталинский режим находил и в среде рабочих. Во многом этому способствовали черты их сознания, укрепившиеся в период революционных потрясений: конфронтационное мышление, «черно-белое» видение мира, безграничная ненависть к «классовым врагам» и т.д. Социальной опорой сталинской политики среди рабочих являлась значительная прослойка «ударников», главная задача которых, как отмечал В.В. Куйбышев, – «создание «нового» человека на производстве», который нанесет «удар по старым традициям в работе, старой психологии, которые воспитывались при капитализме» [9, с. 14]. Своеобразной особенностью политических представлений рабочих стало амбивалентное отношение к местной и центральной власти. Виновниками всех бед обычно считались местные власти, извращавшие политику партии. А «подлинно народная», «рабочая» власть отождествлялась с центральными органами, с авторитетом «вождя народов».

Все эти черты социально-политической ориентации сторонников проводимой политики способствовали установлению в стране тоталитарного режима.

Однако не все члены советского общества являлись явными поклонниками системы. Особенно это касалось советской интеллигенции 1930-х гг. Прослойка интеллигенции во властной структуре на протяжении этих лет значительно сократилась. Кто-то прозревал и сам прекращал сотрудничать с властью, других «отодвигали» набиравшие силу выдвиженцы. Интеллигентам же, удерживавшимся на элитной орбите, приходилось приносить в жертву

важнейшие атрибуты их сознания и морали: роль носителя общественной совести, чувство гражданской ответственности, невозможность поступиться правдой ради житейских выгод. Судьба же остальной массы интеллигенции была еще более трагичной: репрессии в отношении нее практически не прекращались. Это повлекло за собой серьезную деформацию в самосознании интеллигенции. С начала 30-х гг. начали интенсивно развиваться симптомы упадка и даже вырождения нравственных ценностей интеллигенции, произошел ее психологический надлом. По мере развертывания массовых репрессий происходит нарастание общественной пассивности, конформизма, «великого страха». Однако, несмотря на антиинтеллигентскую кадровую и идеологическую политику, на репрессии, старая интеллигенция сумела сохранить совокупность культурных навыков и ценностей, которые способствовали выживанию самой культуры.

Не поддерживала проводимых режимом мероприятий и значительная часть крестьянства. Этому способствовали тотальный разгром и разграбление деревни под лозунгами «уничтожения кулачества как класса» и «сплошной коллективизации». Уже с середины 1920-х гг. началась мощная пропагандистская кампания внедрения в массовое сознание негативного стереотипа «кулака», которая велась со всей серьезностью и закончилась полной победой. Кулачество как социальный слой общества было уничтожено и сломлено психологически. Деформировались такие черты крестьянского сознания, как предприимчивость и трудолюбие. Атмосфера страха и покорности все больше охватывала крестьян. Произвол коллективизации, конечно, вызывал у них возмущение. Но крестьянский протест в этот период носил разрозненный характер на фоне готовности многих примириться со своей участью. Показательно то, что в отношении сельских жителей к «отцу народов» даже в период наибольших официальных восхвалений сохранялись элементы сдержанности: в 1930-е гг. в деревне нередко исполнялись частушки и анекдоты, где образ «вождя» был далек от идеализации [10, с. 11].

Долгое время в отечественной историографии господствовала точка зрения о всемерной поддержке пролетариатом проводимых властями мероприятий. Но доступ к засекреченным ранее архивным документам позволил историкам опровергнуть данную позицию. Несмотря на то, что руководство сознательно усиливало враждебность рабочих к деревне, на которую пытались свалить вину за нара-

стающие трудности, не все рабочие были настроены против крестьянства. У многих из них там остались родственники, знакомые. А некоторые понимали, что власть целенаправленно пытается манипулировать сознанием пролетариата. Об этом свидетельствует адресованное Сталину письмо рабочего из Ленинграда, написанное в марте 1930 г., которое содержит протест против террора и гонения на крестьян: «Вы сажаете тех, кто работал с утра до темной ночи. Вы загнали их в подвалы и хотите сгноить в живых ваших отцов и братьев, а внука их поставили с винтовкой охранять как зверей...» [11, с. 25–26]. Возмущение вызывала и откровенная ложь о происходящем в печати: «Когда начинаешь читать газеты..., то невольно начинаешь волноваться, что вы пишете такую наглую ложь, и кому – нам, русским рабочим...» [11, с. 28]. Есть немало свидетельств и того, что «старые» рабочие негативно относились и к рвению ударников. Причину этого можно увидеть в неизбежности снижения расценок, увеличения физической интенсивности труда. К тому же слабая материальная заинтересованность в результатах труда не способствовала росту энтузиазма старшего поколения рабочих, которые с некоторой подозрительностью воспринимали новации «верхов». О недоверии к проводимой политике свидетельствуют и антиправительственные выступления текстильщиков Ивановской области весной 1932 г.

Гораздо меньше несогласных с политикой режима было среди партийной и государственной номенклатуры. Проводимые в стране репрессии значительно сократили ряды «ленинской гвардии», которая не могла рассматриваться Сталиным как надежная опора его политики, и всех, кто проявлял хоть какие-либо сомнения в отношении правильности курса. Старая партийная элита оказалась беспомощной по сравнению с новыми силами, стремительно заполнявшими русло процесса рождения нового господствующего класса. Есть основания говорить, что среди номенклатурных работников к концу 30-х гг. противников сталинского режима не осталось. Да и быть «верными» политическому курсу партии, не разделяя принципов «новой» морали, было слишком тяжело.

Таким образом, устанавливавшийся на протяжении 1930-х гг. в стране тоталитарный режим находил среди старшего поколения как сторонников, так и противников.

Прекрасно понимая, что «отцы» являются теми главными действующими лицами общественного воспитания, взаимодействие которых определяет если не все, то многое в скла-

дывающимся характере подрастающего поколения, режим старался максимально оградить «детей» от «негативного» влияния старшего поколения. В соответствии с проводимой государством политикой в массовой периодической печати 1930-х гг. нещадно высмеивались «отжившие» моральные ценности христианских заповедей: послушание, угодничество, застенчивость, скромность, миролюбие, кротость. Им противопоставлялись дисциплинированность, отвага, мужество, упорство, самоотверженность и самопожертвование, уверенность в завтрашнем дне, верность партии, ненависть к врагам социализма и рабочего класса. Стержнем психологического настроения должна была стать «социалистическая устремленность» с большим оттенком фанатичной уверенности и преданности, призванными заменить религиозные чувства. Яркие воспоминания о политике выкорчевывания прежних моральных устоев и ценностей представлены в мемуарах русского писателя О.В. Волкова: «Над просторами России разыгрались ветры, отвращавшие от духовных исканий и требовавшие отречения от христианской морали, от отцов и традиций. Проповедовалась классовая ненависть и непреклонность. Поощрялись донос и предательство, высмеивались «добренькие». Были поставлены вне закона терпимость к чужим мнениям, человеческое сочувствие и мягкосердечие. Началось разрушение нравственных устоев общества» [12, с. 36]. Пафос антитрадиционализма нашел свое выражение в «Заветах Ленина комсомолу», которые часто публиковались в 1930-е гг.: «Тому поколению, представителям которого теперь около 50-ти лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество» [13, с. 16]. В 1935 г. в журнале «Юный пролетарий» была опубликована книга французского журналиста Вайяна Кутюрье «Несчастье быть молодым». Последняя глава книги была посвящена Советскому Союзу и называлась «Счастье быть молодым». В книге говорилось о том, что мир, в котором живет советская молодежь, не имеет ничего общего с жизнью прошлых поколений, что в советском обществе происходит конфликт «не между молодым и старым поколениями, а между молодыми людьми и старыми идеями...» [14, с. 1].

Созданию «нового человека» способствовала и целенаправленная политика разрушения

главного и наиболее консервативного института социализации – семьи. В пропагандистских суждениях властных структур 1930-х гг. индивидуальный семейный быт противопоставлялся общественному. Молодежи навязывалась мысль о никчемности прочных связей внутри семьи и добродетельности доносов даже на близких людей. Понимая, что без решения проблемы семьи сформировать новое мировоззрение невозможно, организаторы народного образования и партийные идеологи стали искать средства разрушения ее влияния. В середине 1920-х гг. Н.И. Бухарин сформулировал программу воздействия на семью через детей: «Корень новой борьбы – это современная организация семьи. И с этого конца мы имеем детскую организацию, которая своими слабыми ручейками разрушает старые отношения в этой семейной организации, то есть ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима» [15, с. 47]. Дети использовались как эффективный инструмент разрушения семьи. Моделью поведения, героем советских детей стал Павлик Морозов, который донес на отца и «предпочел духовное родство (с Партией) кровному (с отцом)» [15, с. 47]. Нападки на «изгоев» общества: «бывших», «врагов народа», «кулаков», «спецов», боязнь лишиться комсомольского билета, увольнения с работы, отказа в приеме в вуз нередко порождали чувство ненависти к собственной семье и вынуждали детей отказываться от своих родителей. С классово-марксистских позиций критике подвергалась христианская заповедь «чти отца своего». Психолог А.Б. Залкинд утверждал: «Пролетариат рекомендует почитать лишь того отца, который стоит на классово-пролетарской точке зрения... Других же отцов надо перевоспитывать, а если они не перевоспитываются, дети вправе покинуть своих отцов, так как интересы революционного класса выше благ отца» [16, с. 277]. В условиях распада семейных связей, физического уничтожения миллионов отцов пропаганда создает образ коллективного отца – товарища Сталина. «Вождь народов» обладал большевистскими качествами, которые должны были стать образцом для всех детей страны. Непреклонность воли, ясность цели и настойчивость в ее достижении любыми средствами, твердость характера, идейность и инициатива, ломающие все препятствия, – качества отца, которые должны были быть усвоены детьми.

В атмосфере 1930-х гг. царила настороженность и «бдительность». Газеты, кинофильмы

были насквозь пропитаны идеей борьбы с врагом. Детям внушалось, что врагу не должно быть пощады, иначе нельзя построить новое, светлое будущее. Даже в учебнике по истории СССР для 3–4 классов, вышедшем в 1937 г., содержались такие пассажи: «Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выловить фашистских агентов» [17, с. 208]. Создается и образ врага. В журнале «Смена» за 1938 г. говорится: «Сейчас распознать врага стало трудней, ибо он активничает, он ударник, он даже достает партбилет, дабы использовать его в гнусных замыслах» [18, с. 7]. Причем прослеживается явная тенденция: перед очередной волной репрессий в печати все чаще появлялись статьи с рассказами о происках врага.

Для воспитания «нового» человека необходима была постоянная система воздействия на личность. И здесь особую роль приобретала школа. Складывавшаяся в 1930-е гг. командно-административная система не нуждалась в развитии индивидуальных способностей ребенка. Поэтому в обстановке общей унификации утверждалась педагогика, по выражению А. Асмолова, «казарменного типа» [19, с. 16].

Правящий режим сознательно апеллировал к общественной активности юного поколения. В силу ряда общественных и демографических факторов Россия 1930-х гг. оказалась «страной молодых». По данным же психологов, наиболее быстрое формирование политических представлений происходит в возрасте 11–13 лет [20, с. 124]. При этом мышление на данном возрастном этапе весьма конкретно и персонафицировано, что облегчает внедрение идеологических стереотипов. Эти социально-психологические особенности молодого поколения объясняют легкое проникновение в его сознание мифов коммунистической идеологии, лозунгов и стереотипов официальной пропаганды. Молодым не казались странными и неприемлемыми пропагандистские штампы и зигзаги «генеральной линии» партии. Поражает тот факт, что дети почти с младенчества втягивались в обсуждение «взрослых проблем». Они принимали непосредственное участие в «преобразовании социальной среды», в борьбе с классово чуждой психологией, проявлениями индивидуализма и несознательности. В «Положении о коммунистической детской организации пионеров» отмечалось, что «воспитать строителей коммунизма вне классовой борьбы и вне социалистического строительства нельзя...» [21, с. 49].

Разумеется, не стоит преувеличивать степень нравственной деформации юных россиян под влиянием коммунистической идеологии. Навязанные пропагандой двуличие, коллективизм, классовая ненависть и непреклонность в борьбе с врагами, доносительство, карьеризм, приспособленчество причудливо сочетались в молодом поколении 1930-х гг. с бескорыстностью, трудовым пафосом, энтузиазмом, героизмом и самопожертвованием, смелостью, отвагой, преданностью Родине, делу, партии. Отнюдь не все «дети» 1930-х гг. целиком и полностью находились в рамках создаваемых иллюзий. Многим из них пришлось наряду со взрослыми испытать тяготы и лишения новой жизни. Детские умы зачастую были полны противоречия. Подтверждением этому являются слова из школьного сочинения, написанного в 1932 г.: «В школе слышишь одно, а дома другое, не знаю, как лучше...» [22, с. 286]. Вопреки устоявшейся точке зрения о монолитности молодого поколения 1930-х гг. источники свидетельствуют, насколько пестрым и многоликим оно было, насколько разными были представления молодых людей о жизни и какими противоречивыми оказались их судьбы. Трагедией российского народа стало то, что энтузиазм и энергия молодежи были использованы для утверждения и укрепления тоталитарной системы.

Период 1930-х гг. стал решающим этапом формирования тоталитарного сознания. Идеологические доминанты все более настойчиво отодвигали ценности, традиции и устои «старого» мира. Среди «отцов», знавших «проклятое прошлое» не понаслышке, были и сторонники режима, и его противники. Сторонники адекватно воспринимали проводимые мероприятия, уповали на центральную власть и активно «впитывали» в себя официальную информацию. Проводимые в стране репрессии воспринимались ими как неизбежный итог «классовой борьбы», а социально-экономические неурядицы – как происки «врагов», «шпионов» и т.д. Именно эта часть общества стала заложником и опорой «культы личности Сталина», подвергаясь различным маневрам идеологического манипулирования.

Противники режима, несмотря на несогласие с проводимой политикой, не смогли оказать организованного сопротивления и зачастую демонстрировали пассивность и конформизм. Проводимые в стране репрессии неуклонно сокращали их ряды. Сложившаяся же в стране ситуация способствовала нравственной деформации и сторонников сталинской системы, и ее противников.

Составляющая же большинство населения СССР в 1930-е гг. молодежь стала главным объектом идеологических приложений «коммунизма». Повышенная общественная активность «детей», общее падение роли традиций и престижа старшего поколения, с одной сто-

роны, усиливали роль подрастающего поколения, а с другой, облегчали манипулирование им. В молодых людях воспитывались черты, которые способствовали появлению «нового советского человека», преданного режиму, воспитавшему его.

Литература

1. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 3-4. М., 1963.
2. Советский народ – новая историческая общность людей: становление и развитие. М., 1975.
3. Павлова И.В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993.
4. Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
5. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб., 1999.
6. Баткин Л. Сон разума. О социокультурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989.
7. Цит. по: Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. М., 1989.
8. Оболонский А.В. Сталинизм и общество: морально-психологический аспект // Государство и право. 1993. №3.
9. Цит. по: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998.
10. Советский Союз в 30-е гг.: «Круглый стол» // Вопросы истории. 1988. №12.
11. Общество и власть: 1930-е гг. М., 1994.
12. Волков О.В. Погружение во тьму // Роман-газета. 1990. №6.
13. Тихомиров В. Заветы Ленина комсомолу // Юный пролетарий. 1935. №1.
14. Кутюрье В. Несчастье быть молодым // Юный пролетарий. 1935. №11.
15. Цит. по: Фрадкин Ф., Прохова М. Воспитание в семье и школе: взгляд сквозь десятилетие // Воспитание школьников. 1993. №6.
16. Цит. по: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города. 1920/1930 годы. СПб., 1999.
17. Краткий курс истории СССР: Учебник для 3–4 классов начальной школы. М., 1937.
18. Зильвер Л. Лицо врага // Смена. 1938. №7.
19. Асмолов А. Из истории репрессированной науки // Педология/Новый век. 2000. №1.
20. Шестопал Е.Б. Личность и политика. М., 1988.
21. Положение о коммунистической детской организации юных пионеров им. В.И. Ленина // Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина: Документы и материалы. М., 1981.
22. Обыденный НЭП (сочинения и письма школьников 20-х гг.) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993.